

Общие вопросы культурологии

DOI 10.25991/VRHGA.2023.3.3.034

УДК: 821.161.1

О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова*

ЧЕРТЫ ФИГУРАЛИЗМА В ПОЭТИКЕ РОМАНА В. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА»

Цель статьи — выявить ключевые особенности фигурализма в романе В. Каверина «Два капитана». Были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, метод целостного анализа художественного произведения. Впервые было установлено, что соцреалистический роман В. Каверина «Два капитана» следует относить к разновидности романа воспитания — «роману фигуры». Реализуя жанровую концепцию Bildungsroman в литературе соцреализма, роман приобретает черты фигурализма, которые отражаются на уровне нетипичной для романа воспитания разработки образа главного героя и трансформации его жизненного пути. Во-первых, судьба главного героя предсказуема и запрограммирована автором. Во-вторых, функция персонажа заключена в исполнении им определенного предназначения. В-третьих, мифологизм фигуры отсылает к типизации образа, а priori исключая его индивидуализированность. В-четвертых, типичен путь главного героя, построенный не только на архетипе волшебной сказки, но и обусловленный идеологией эпохи соцреализма. В-пятых, второстепенные персонажи занимают в романе конфигуративную позицию в отношении главного героя, в отличие от романа воспитания, в котором второстепенные герои участвуют в процессе воспитания протагониста. Наконец, метаморфоза героя происходит не в личностном, а в идейном плане — этапы его взросления отражают этапы трансформации тех принципов, носителем которых является персонаж.

* Осьмухина Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. osmukhina@inbox.ru

Овсянникова Екатерина Павловна — магистрант кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. ovsyannikova-kate@yandex.ru

Ключевые слова: В. Каверин, русская проза, роман воспитания, соцреализм, фигурализм, «роман фигуры».

Olga Yu. Osmukhina, Ekaterina P. Ovsyannikova
FEATURES OF FIGURALISM IN THE PORTICS
OF V. KAVERIN'S NOVEL «TWO CAPTAINS»

The purpose of the article is to identify the key features of figuralism in the novel by V. Kaverin. Kaverin's novel «Two Captains». The following research methods were used: comparative-historical, typological, method of holistic analysis of the artwork. For the first time it was established that V. Kaverin's socialist realist novel «Two Captains» should be referred to a kind of novel of education — «the novel of figure». Realising the genre concept of Bildungsroman in the literature of socialist realism, the novel acquires the features of figuralism, which are reflected at the level of the development of the protagonist's image and the transformation of his life path atypical for the novel of education. Firstly, the fate of the protagonist is predictable and programmed by the author. Secondly, the function of the character is concluded in the fulfilment of a certain purpose. Thirdly, the mythologism of the figure refers to the typification of the image, a priori excluding its individualisation. Fourthly, the path of the protagonist is typical, built not only on the archetype of the magic fairy tale, but also conditioned by the ideology of the socialist realism era. Fifthly, secondary characters occupy a configurative position in the novel in relation to the protagonist, in contrast to the novel of education, in which secondary characters participate in the process of educating the protagonist. Finally, the protagonist's metamorphosis occurs not in personal terms, but in ideological terms — the stages of his maturation reflect the stages of transformation of the principles of which the character is the bearer.

Keywords: B. Kaverin, Russian prose, novel of education, socialist realism, figuralism, «novel of figure».

Общеизвестно, что роман воспитания — разновидность жанра романа, по мнению ряда исследователей, генетически восходящая к памятникам средневековой литературы, рыцарским сказаниям, плутовскому роману эпохи барокко, и получившая законченную классическую форму в творчестве немецких просветителей — К. М. Виланда и И. В. Гете. Свое развитие жанр продолжил уже в русле романтической традиции немецких и английских писателей, а затем воплотился и в реалистической словесности.

Следует оговориться, что исследование жанра романа воспитания явилось предметом научных интересов множества ученых. Несмотря на общепринятое мнение о том, что термин Bildungsroman впервые был употреблен К. Моргенштерном, ряд исследователей [6, с. 20; 8, с. 31–32] справедливо указывает на более раннее его бытование в немецком литературоведении. Уже в XVIII в., в частности в 1774 г., в труде Ф. Блакенбурга «Опыт о романе» немецкий роман «История Агатона» К. М. Виланда характеризуется автором как Bildungsroman. А. В. Дialeктова отмечает, что, выявляя признаки романного жанра на примере «Истории Агатона», Блакенбург таким образом связывает первое серьезное исследование в этой области именно с немецким воспитательным романом [8, с. 20]. В этом же году И. Гердером осуществляется одна из первых попыток философского обоснования понятия Bildung [5, с. 703]. Несколькими годами позже концептуальное толкование гуманистического идеала этого понятия было сформулировано В. Гумбольдтом [19]. Таким образом, в начале XIX в.

К. Моргенштерн подошел к феномену Bildungsroman как к уже известному явлению, в результате чего попытался дать его жанровую характеристику. В научный оборот термин был введен В. Дильтеем, и впоследствии им же и были заложены тенденции к углубленному изучению жанра романа воспитания.

В немецком литературоведении первой значительной монографией, посвященной роману воспитания, а именно, его истокам и формированию вплоть до «Агатона» Виланда, явилась книга М. Герхард [17]. Литературовед усматривает корни жанра в традиции стихотворного эпоса («Песнь о Нибелунгах»), рыцарского романа («Парцифаль»), пикарескного жанра, а также в романе «Дон Кихот» Сервантеса и «Симплициссимус» Гриммельгаузена. Следующим крупным немецким исследованием, в котором была предпринята попытка изложения историко-литературных предпосылок жанра и его философского обоснования, стала работа Ю. Якобса [18], в которой, кроме того, содержатся и теоретические замечания (в частности, один из ее разделов посвящен терминологическому вопросу). Основным двигателем сюжета, по мнению исследователя, является конфликт воспитуемого с различными сферами внешнего мира. Немаловажно также, что ученый включает в разновидность романа воспитания и так называемый «роман антивоспитания», считая разочарование героя и утрату иллюзий в финале одной из альтернативных концовок, выравнивающих финал. Весьма примечательна в этой работе также мысль ученого о международном бытовании романа воспитания: не отрицая формирования Bildungsroman на немецкой почве и отмечая, что «имеется разновидность романа, которая, впрочем, является немецкой, типично немецкой, законно национальной» [18, с. 327], все же считает нужным избегать в общей оценке его художественного своеобразия поиска исключительно национальных черт, и таким образом, расширяет границы изучения жанра. Наиболее глубоким и детальным подходом в изучении жанра романа воспитания в немецком литературоведении отличается монография Р. Зельбманна [21], в которой рассматривается жанр романа воспитания в историческом аспекте, однако, несомненная значимость этой работы все же не исключает того, что в резюмирующей части исследователю не удается четко классифицировать понятия, которыми он активно оперирует: «образовательный роман», «образовательная структура», «образовательная история». Подчеркнем, что обзор истории изучения Bildungsroman в немецком литературоведении обнаруживает недостаточную теоретическую базу: это обусловлено разными методологическими подходами к изучению вопроса, многообразными философскими трактовками идейной составляющей жанра, терминологической неоднозначностью, стремлением охватить обширный материал, отсутствием дифференцированного подхода к изучению.

В отечественном литературоведении начало изучения жанровой модели Bildungsroman было положено М. М. Бахтиным [1; 2]. Ряд работ («Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике», «Роман воспитания и его значение в истории реализма», «Эпос и роман (О методологии исследования романа)») обнаруживают обоснование главных теоретических положений данной жанровой разновидности. Ученым было сформулировано концептуальное отличие романа воспитания от других разновидностей ро-

манного жанра: «Сам герой, его характер становятся переменной величиной в формуле этого романа. Изменение самого героя приобретает сюжетное значение <...> Время вносится вовнутрь человека, входит в самый образ его, существенно изменяя значение всех моментов его судьбы и жизни. Такой тип романа можно обозначить в самом общем смысле как роман становления человека» [1, с. 209]. Следует отметить, что десятилетием ранее М. Герхард, давая определение «роману развития», отмечала только одну характерную его жанровую черту: «постепенное развитие и вращение в мир» личности как конечную цель ее пути [17]. Очевидно, что М. М. Бахтин конкретизирует определение жанра, полагая его основой хронотопическую составляющую — время. Это замечание позволило уточнить характерные черты романа воспитания, такие как наличие ретроспекций и интроспекций, представленных внутренними монологами героя. Впервые теоретическое обоснование проблемы фигурализма в жанре романа было дано Х. Майкснером в монографии «Романтический фигурализм. Критическое изучение романов Арнима, Эйхендорфа и Гофмана». Автор выделил несколько характерных черт, позволяющих говорить о фигурализме, как об отличительном элементе поэтики нового типа романа — «романа фигуры». В первую очередь исследователь отмечает, «идея романа делает из героев фигуры, которые становятся ее выразителями, идея доминирует, создает систему отношений, в которой герои становятся фигурами» [20, с. 32]. Вторым немаловажным аспектом Майкснер называет различную траекторию, по которой движется развитие фигуры и образа героя, а именно «образ развивается из самого себя, тогда как фигура не знает этого развития» [20, с. 35]. В-третьих, автор помечает особенную генерализированную функцию персонажа-фигуры в отношении принципов «миромоделирования» в романе: фигуры являются «персонажами в игре универсальных сил и полярностей» [20, с. 237]. Таким образом, любое проявление индивидуального в фигурализме а priori транслируется в художественном сознании на концепцию всеобщности, человек рассматривается в первую очередь как представитель рода, и, следовательно, предпочтение отдается типу, а не индивидууму.

В. Н. Пашигорев в диссертации «Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция» конкретизирует тезисы Х. Майксера в аспекте рассмотрения жанра романа воспитания. В частности, на материале романа Жан-Поля «Титан» исследователь показывает, что развитие персонажа осуществляется в тесной связи осознания им себя как части целого, при этом «речь не идет об изображении характера персонажа, <...>, а о субъективном, фигуре, судьба которой запрограммирована всеобщим, фигуре, являющейся исполнителем определенной цели, определенного предназначения или призвания» [14, с. 128]. Такая типизация, по мнению Пашигорева, очерчивает фигуру в романе как символично-аллегорическое, мифологическое явление мира и включает ее в систему универсально-космических отношений. При этом, для нас крайне важно и интересно именно внедрение элементов фигурализма в жанровую основу романа воспитания, потому как в этом случае возникает особый его подтип, названный Пашигоревым «романом фигуры». Вспомним, что «чистый» жанр романа воспитания предполагает моноцентризм, а также становление и развитие личности, путь которой, по словам А. В. Дialeктовой,

движется по траектории от крайнего индивидуализма к обществу [7, с. 35]. «Роман фигуры» также является романом одного героя и включает в себе процесс воспитания героя (а именно этот процесс, как мы помним, является доминантой построения сюжета романа воспитания и важнейшим жанровым его признаком), однако разновидностью жанра романа воспитания позволяет назвать его ни что иное, как тот факт, что в отличие от воспитания крайнего индивидуалиста, данная форма реализует в развитии героя запрограммированную автором идею, определенную мифологическую тенденцию. Таким образом, в «романе фигуры» сохраняется жанровая доминанта романа воспитания, однако отличительной чертой его является тот факт, что здесь герой уже — носитель не индивидуальных, а типических черт, эволюция которого осуществляется не столько в личностном плане, сколько в идейном.

Следует отметить при этом, что с точки зрения терминологии «фигурализм» и «роман фигуры» еще окончательно не вошли в научный обиход. Они упоминаются в ряде исследований, однако до сих пор не закреплены кодификаторами. Фактически после В. Н. Пашигорева не было проведено ни одного исследования, которое бы расширяло или обосновывало выдвинутые им тезисы на основе других романов воспитания

Однако для нашего исследования данная разновидность романа крайне примечательна по ряду причин. Во-первых, роман В. Каверина «Два капитана» — произведение, с точки зрения генезиса, полицентричное: поэтика его сориентирована и на роман воспитания, и на авантюрный роман, и на детективный, и на идиллически-сентиментальный [10, с. 180]. Нас в данном исследовании будут интересовать черты исключительно романа воспитания. Во-вторых, в литературоведении сложился противоречивый взгляд на жанр романа воспитания в эпоху соцреализма: в противовес Е. Н. Краснощековой [11, с. 14], которая утверждает, что роман воспитания в советские годы был обречен на вымирание по причине того, что «самостоятельные поиски жизни и идейные блуждания» героя были не актуальны для этой эпохи, Е. Н. Володина утверждает, что *Bildungsroman*, наоборот, пережил свое возрождение в литературе соцреализма [4, с. 23]. Ряд исследователей соцреалистической литературы [15; 16] видят в романе воспитания эпохи соцреализма черты стереотипного упрощения жанра: «опыт, образование и развитие заменяются процессом «закаливания» в рамках идеологии и бойцовского духа» [16, с. 205]. В связи с этим интересна причина такой полярности мнений. На наш взгляд, искать ее стоит именно в типе «романа фигуры», который, являясь узкой разновидностью романа воспитания, и стал «формальным заместителем» этого жанра в романе соцреализма. Потому, можно предположить, что отсутствие в «чистом» виде *Bildungsroman* в литературе советских лет заставляет некоторых исследователей сомневаться в его бытовании в этот период.

Для того чтобы обосновать эту позицию, необходимо соотнести типологические черты литературы соцреализма с обозначенными выше чертами «романа фигуры» на примере романа В. Каверина «Два капитана». Г. Лукач в статье «Интеллектуальный облик литературного героя», подметил закономерность чрезвычайной роли мировоззрения в художественной литературе социалистической эпохи, «отражающей развитие нового человеческого типа»

[12, с. 48]. Е. Н. Володина отличительной чертой принципа художественного обобщения в литературе соцреализма называет «генерализацию», то есть «воплощение определенной идеи, какой ее априорно создает художественное сознание» [4, с. 15]. Таким образом, эстетика соцреалистической литературы движима системой ценностей, формируемой государством, а потому «сверху» задает типизацию образа литературного героя, как носителя определенной идеи, необходимой для «воспитания» читателя в соответствующем духе.

Прежде чем вести разговор о «романе фигуры» как разновидности Bildungsroman в «Двух капитанах» В. Каверина, следует сказать о самих чертах романа воспитания в этом произведении. Перед читателем предстает жизненный путь Сани Григорьева с детских лет до того момента, когда он предстает перед читателем с уже оформившимся мировоззрением. Соблюдение жанровой доминанты построения сюжета, а именно моноцентризм композиции, изображающий процесс воспитания героя – главные отличительные черты романа воспитания. Помимо этого, в романе налицо ступенчатость развития образа героя, заключенная в кольцевую композицию (детские годы, юношество, годы учебы в летном училище, подготовка и планирование экспедиции, командировка на войну в Испанию, годы Великой Отечественной войны, встреча с антагонистом Николаем Антовичем и возвращение домой). Кольцевая композиция (возвращение Сани в Энск и ретроспективное погружение в воспоминания детства как некий итог, сопоставление себя взрослого с маленьким мальчиком «в широких штанах, который когда-то ловил голубых раков на мясо» [9, с. 717]) также является важным маркером романа воспитания, так как подтверждает мысль И. Я. Берковского о том, что познание мира заключено в исходной точке, и как бы личность ни пыталась расширить границы познаваемого, ответ находится всегда «в самом близком» [3, с. 154]. Однако при всем при том, образ главного героя в романе является не индивидуализированным, а типическим по ряду причин. Образ Сани Григорьева, на наш взгляд, правомерно рассматривать в качестве «фигуры» по ряду причин.

Во-первых, его судьба изначально запрограммирована автором. И эта программа предлагается читателю уже на первых страницах романа, когда герой обнаруживает на берегу реки «туго набитую письмами сумку». Именно тема письма лейтмотивно сначала открывает, а затем, появляясь в ключевых моментах повествования, помогает реализовать заданную автором сюжетную коллизию на протяжении всего романа. Так, Саня вновь находит письмо, которое читала ему тетя Даша (к слову, именно это письмо она читает ему чаще других, «так часто, что в конце концов я выучил его наизусть», — замечает главный герой [9, с. 7]) с подтверждением виновности Николая Антоныча в гибели экспедиции именно во время поездки в Энск вслед за Катей [9, с. 188–191]. Получив назначение на Север, он обнаруживает у доктора Ивана Иваныча дневники штурмана, приоткрывающие завесу тайны над гибелью судна «Св. Мария» [9, с. 289–301]. И, наконец, Саня находит прощальные письма капитана Татаринова во время обнаружения пропавшей экспедиции [9, с. 685]. Этот лейтмотив только высвечивает основную идею, за которую борется в романе главный герой — не просто нахождение экспедиции, восстановление честного имени капитана Татаринова и установление справедливости, но прославление

научных достижений своей страны. Вспомним строки капитана Татаринова, написанные им в качестве комментария на полях книги, которую читал Саня: «Амундсен желает во что бы то ни стало оставить честь открытия Северного полюса, а мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг» [9, с. 157]. За эту-то честь и борется главный герой, эта идея и руководит им на протяжении жизненного пути: «Я стремился на Север, к профессии полярного летчика, потому что это была профессия, которая требовала от меня терпения, мужества и любви к своей стране и своему делу» [9, с. 279]. В конце романа В. Каверин описывает осознание Саней своего взросления: «Среди забот, трудов и волнений войны я нашел его. Не мальчик, потрясенный туманным видением Арктики, озарившим его немой, полусознательный мир, не юноша, с молодым упрямством стремившийся настоять на своем, — нет, зрелый, испытывавший все человек, я стоял перед открытием, которое должно было войти в историю русской науки» [9, с. 675]. Именно установление справедливости в интересах русской науки — вот идея, которая движет Саней, идея, которая проходит всевозможные этапы своей трансформации — от выученного наизусть письма в детстве через отречение от нее как от «детских сказок» [9, с. 480] к ее утверждению и запечатлению в последних строках романа, в словах, высеченных на могиле капитана Татаринова: «Здесь покоится тело капитана И. Л. Татаринова, совершившего одно из самых отважных путешествий и погибшего на обратном пути с открытой им Северной Земли в июне 1915 года. Бороться и искать, найти и не сдаваться» [9, с. 715].

Таким образом, метаморфоза героя происходит не в личностном, а в идейном плане — этапы его взросления отражают этапы трансформации тех принципов, носителем которых является персонаж. По сути, образ героя в «романе фигуры» конструируется таким образом, что на первый план выходит самоценность идеи, а сама жизнь программируется в прямой зависимости от нее.

Во-вторых, герой является фигурой, поскольку основная его функция в романе проявляется в качестве исполнителя определенной роли или призвания. Этот тезис тесно связан с предыдущим, потому именно своего рода «запрограммированность» судьбы персонажа делает его заложником осуществления того или иного жизненного предназначения. Жизненный путь Сани Григорьева высвечивает мировоззрение человека эпохи соцреализма — носителя определенных идеологических убеждений, основанных на поиске справедливости, непременном разоблачении «врагов» народа в лице Николая Антоныча.

В-третьих, мифологизм фигуры-персонажа высвечивается в «Двух капитанах» посредством архетипа сказки. Подробно соотнесение сюжетной схемы сказки (по В. Я. Проппу) с романом представлено в книге В. Новикова и О. Новиковой [13, с. 157], поэтому останавливаться на этом не будем. Принципиально важно для нас другое: сюжетные функции персонажей сказочно устойчивы. Главный герой наделен исключительно положительными чертами: он честен, смел, добропорядочен, предан принципам и не щадит сил для их претворения в жизнь. В какой-то мере этот мифологизированный образ обладает чертами сверхчеловека, подобно другим положительным героям соцреализма (вспомним, как в детстве Саня преодолевает немоту, а в последствие сажает самолет в тундре, как, встав на костыли, добирается из осинової рощи к домику

регулирующего, еще недавно не способный сделать ни шагу). Подобно тому, как в сказке задается идея торжества добра над злом, в романе В. Каверина тотальное добро, воплощенное в образе Сани Григорьева, торжествует над злом, репрезентованным в облике его антагониста Николая Антоныча (и отчасти — «сниженного» варианта директора школы — Ромашова). Кроме того, это торжество имеет и политический подтекст, подсказанный самой эпохой соцреализма: Саня Григорьев, человек советской эпохи, резко противопоставлен Николаю Антонычу, воспитанному еще до революции. Именно здесь сопоставляется «светлое будущее» и «темное» прошлое. Именно здесь реализуется соцреалистический миф о правильности пути советского человека, о его непобедимости, о торжестве социализма.

В-четвертых, очевидна типизация вместо индивидуализации образа героя. Мифологизм персонажа, проявляющийся в типизации черт персонажа, не позволяет говорить о крайнем его индивидуализме, а потому является очередным доказательством, что перед читателем разновидность романа воспитания — «роман фигуры». Кроме того, типизирован и путь самого героя. Оставив в стороне типичные сказочные сюжетные ходы, отметим, что в центре романа — маленький человек, лишенный родителей, получивший образование и воспитание в государственных учреждениях (что немаловажно для соцреалистической пропаганды). При этом именно его нравственные качества определяют его путь. Недаром свой первый отважный и справедливый поступок против председателя отряда Степы, который обделял едой слабых Саня называет «первым общественным делом» [9, с. 89]. А далее в романе будет и «первое общественное выступление» [9, с. 134], поэтому весь дальнейший путь Сани прочитывается в контексте служения общественному благу. В траектории этого пути заложена соцреалистическая идеология, заключающая в себе свершение подвига во имя Родины (в романе этим подвигом является нахождение Саней пропавшей экспедиции и установление научной справедливости), отказ героя от личного счастья ради служения Отечеству (в романе личное счастье Сани отодвигается на второй план перед лицом войны). По сути, по-настоящему герой обретает счастье с Катей, лишь выполнив эти необходимые «условия», опять же заданные прозаиком.

Наконец, второстепенные герои представляют собой некую конфигурацию вокруг персонажа-фигуры. Так, антагонизм Николая Антоныча и Ромашки в отношении главного героя лишь подчеркивает положительную сущность последнего, высвечивает его лучшие качества — честность, благородство, непреклонность, безудержную смелость. Катя является некой движущей силой для героизма Сани (именно с любовью к ней в Сане пробуждается желание доказать истину). Иван Иванович — чудесный помощник (он спасает Саню от немоты, лечит от «испанки», и, наконец, открывает ему дневник штурмана). Кораблев поначалу кажется учителем главного героя, поскольку именно он впервые заставляет задуматься Саню о том, кем он должен стать [9, с. 123]. Но и в этом «толчке» к мысли о будущем, который инициирован Иваном Палычем, опять же глубоко запрятана идея служения общественному благу: разговор концентрируется вокруг воли, именно к ней призывает Саню Кораблев, именно это качество Григорьев будет далее методично развивать [9,

с. 133], именно оно в романе будет решающим в достижении героем конечной цели (недаром через весь роман лейтмотивно проходит и повисает в последних строках девиз «Бороться и искать, найти и не сдаваться»). Однако полностью функцию наставника Кораблев на себя не берет, а по сути, в романе выполняет функцию помощника — соединяет Катю с Саней после долгой разлуки. Из этого следует, что если в классическом Bildungsroman второстепенные персонажи выполняют конструктивную или деструктивную функции в процессе воспитания героя, то в «романе фигуры» эти функции практически не обнаруживаются — они сопровождают персонажа на его пути к определенной цели, либо утверждая в нем заданную идею (как доктор Иван Иванович, Катя Татарина), либо своим антагонизмом высвечивают в персонаже необходимые качества, для ее достижения (Николай Антоныч, Ромашка).

Вернемся к тезису о том, что метаморфоза Сани Григорьева происходит в идейном плане. Для этого необходимо проследить путь трансформации идеи Сани Григорьева на протяжении романа. Эта траектория сопоставима с этапами жизненного пути личности в романе воспитания — она также происходит стадияльно, встречает на своем пути препятствия, посредством столкновения с которыми и претерпевает изменения. Зарождение идейного интереса происходит на первых страницах романа с обнаружением Саней письма [9, с. 8], знакомство с Катей Татариновой усиливает этот интерес, чтение записей на полях книг Татарина, как идейная точка пересечения путей «двух капитанов» служит началом формирования идеи как таковой [9, с. 157]. Далее — ссора с Николаем Антонычем после смерти Марьи Васильевны — стадия утверждения Сани в мысли найти экспедицию [9, с. 250]. Однако после первых неудач, после отмены поисковой партии, воспринимаемой не иначе как «провал», происходит кризис: «Кончено, Катя, — с бешенством сказал он, отвернувшись от В. — Север, экспедиция, «Святая Мария». Я больше не хочу слушать об этом. Все это детские сказки, о которых давно пора забыть» [9, с. 480]. Не будем забывать, что любая пороговая ситуация, а тем более, в жанре романа воспитания, является толчком к метаморфозе. Так, «отброшенная» идея — Север — вновь всплывает перед героем в конце войны, после ранения: «Чем дальше он был от меня в эти годы, тем ближе и привлекательнее становился он для меня» [9, с. 613]. Затем следует внезапное нахождение экспедиции как запрограммированное и закономерное достижение героем цели. Так, наконец, оканчивается путь идейной трансформации Сани Григорьева — путь, заключающий в себе этапы формирования идеи, ее кризис, ее окончательное достижение, путь, повторяющий стереотипные стадии развития человеческой личности в Bildungsroman.

Таким образом, исходя из всего сказанного выше, можно сделать вывод, что соцреалистический роман В. Каверина «Два капитана» следует относить к разновидности романа воспитания — «роману фигуры». Реализуя жанровую концепцию Bildungsroman в литературе соцреализма, роман приобретает черты фигурализма, которые отражаются на уровне нетипичной для романа воспитания разработки образа главного героя и трансформации его жизненного пути. Во-первых, судьба главного героя предсказуема и запрограммирована автором. Во-вторых, функция персонажа заключена в исполнении им определенного

предназначения. В-третьих, мифологизм фигуры отсылает к типизации образа, а priori исключая его индивидуализированность. В-четвертых, типичен путь главного героя, построенный не только на архетипе волшебной сказки, но и обусловленный идеологией эпохи соцреализма. В-пятых, второстепенные персонажи занимают в романе конфигуративную позицию в отношении главного героя, в отличие от романа воспитания, в котором второстепенные герои участвуют в процессе воспитания протагониста. И, наконец, самое главное — метаморфоза героя происходит не в личностном, а в идейном плане — этапы его взросления отражают этапы трансформации тех принципов, носителем которых является персонаж. Все вышесказанное подтверждается тезисом Е. Н. Володиной, которая утверждает, что «строгая социальная определенность героя, изначальная заданность, предначертанность направления и «диалектики» его развития <...> — таково «наследие» соцреалистической эстетики, вполне усвоенное жанром (*романа воспитания*. — О. О., Е. П.) и разительно отличающее его от исходного, первоначального вида» [4, с. 28–29]. На наш взгляд, такая разновидность Bildungsroman, как «роман фигуры» является наиболее характерной и вероятной для литературы соцреалистической эпохи и требует специального изучения на материале других романов этого типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Искусство, 1976. С. 186–237.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.
3. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. — СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
4. Володина Е. Н. Романы В. Дудинцева: Типология и эволюция жанра: дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 1998. 285 с.
5. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
6. Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: Жанр и поэтика: дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2001. 326 с.
7. Диалектова А. В. Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи просвещения. Саранск, 1972. 38 с.
8. Диалектова А. В. Воспитательный роман Х. М. Виланда «История Агатона»: дис. ... канд. филол. н. М., 1972. 245 с.
9. Каверин В. Два капитана. М.: НИГМА, 2021. 720 с.
10. Каверин В. А. Письменный стол. М.: Сов. писатель, 1985. 271 с.
11. Краснощекова Е. А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008. 478 с.
12. Лукач Г. Интеллектуальный облик литературного героя // Литературный критик. 1936. Кн. 3. С. 1–53.
13. Новикова О. И., Новиков В. И. В. Каверин: критич. очерк. М.: Сов. писатель, 1986. 284 с.
14. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция: дисс. ... д-ра филол. н. Ростов-на-Дону, 2005. 333 с.

15. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. — Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, cop. 2000. XV, 320 p.
16. Gunther H. Education and Conversion: The Road to the New Men in the Totalitarian Bildungsroman // Gunter H. (ed.) The Culture of the Stalin Period. London, 1990. P. 193–209.
17. Gerhard M. Der deutsche Entwicklungsroman bis zu Goethes «Wilhelm Meister». Published by Max Niemeyer Verlag: Halle (Saale), 1926. 175 s.
18. Jacobs J. Wilhelm Meister und seine Brüder. Untersuchungen zum deutschen Bildungsroman. München: W. Fink, 1972. 332 s.
19. Kirchner A. Wilhelm von Humboldt — Theorie der Bildung des Menschen. — Weinheim/München: GRIN Verlag, 2008. 40 s.
20. Meixner H. Romantischer Figuralismus: kritische Studien zu Romanen von Arnim, und Hoffmann. Frankfurt am Main: Athenäum Verl, 1971. 266 s.
21. Selbmann R. Der deutsche Bildungsroman. Stuttgart: J. B. Metzler, 1984. 164 s.